

ВАСИЛЬ ХАЛИТОВ

ПОНОМАРЬ

Василь Халитов

Пономарь

«Автор»

2026

Халитов В.

Пономарь / В. Халитов — «Автор», 2026

Главный герой — Василий Скребышев по прозвищу Пономарь. Оставшись без работы, он случайно открывает в себе талант сыщика: сначала спасает от тюрьмы невинного водителя молоковоза, а затем находит пропавший деревенский скот. Поняв, что старая жизнь окончена, Василий вместе со своим другом Петром Каменевым регистрирует частное детективное агентство «Пономарь и К». Детективы вскрывают всю схему воровства мяса, разоблачают коррумпированного начальника райотдела МВД полковника Борзикова и местного священника-парторга. В ходе расследования происходит убийство рецидивиста Рогозина, которое пытаются выдать за самоубийство, а самого Василия захватывает один из организаторов преступлений — Гоша Хлебоборов (Выдумщик), но друзья вовремя приходят на помощь. Финал повести символичен и светел: Василий восстанавливает старинный колокол на старой колокольне, звон которого знаменует надежду на возрождение.

© Халитов В., 2026

© Автор, 2026

Василь Халитов

Пономарь

Повесть современного бытия

(посвящается всем, кто не оскотинился, не скурвился, не проворовался и не озлобился)

Мягко падает снег на окраине райцентра Скурихино. Одна из снежинок подлетает к окну с наличниками в деревянном доме и прилипает к стеклу. В окне за прозрачным тюлем видно лицо мужчины лет тридцати с небольшим в созерцательном настроении. Хозяина холостяцкой избы зовут Василий Скребышев. Коротко стриженная шевелюра непокорных, русых волос дополняется на голове слегка оттопыренными ушами, а от всей фигуры среднего роста исходит добродушие и покой. Васян каждое утро смотрит в окно на окружающий мир.

Вот с местной фермы проехала молоковозка - загружать свежее парное молоко в сельповский молочный цех. За рулем вредный хохол Сашко Салыч. Летом на него наехали приезжие гопники – требовали свежую продукцию разбавлять и багрить налево, предлагали долю. Ну, Салыч их слегка поучил ломом возле своего крыльца, троим ребра переломал, бригадиру ихнему черепномозговое сделал. Лом штука серьезная. Дак его самого чуть в тюрьму не посадили за превышение. Власть все изобразила так, что будто бы молоковозчик сам напал на четверых бедненьких мордovorотов.

Пока Скребышев не поднял полрайцентра и не доказал в суде в качестве общественного защитника невиновность Салыча, видок у того был смурной. Кому охота дожидаться приговора в арестантской хате!? Проезжая мимо дома Василия, шофер молоковозки махнул рукой – этот добро помнил. Василий помахал в ответ.

В противоположную сторону на всех парах мчался вечно поддатый мужичонка Джойстик. Прямо напротив Скребышевского дома он некстати поскользнулся и упал. Его нагнала здоровенная бабища Зоя Некшина, с размаху вlepила лежавшему два пендала, сдобряя физические упражнения матерком и вопросом:

– Ты когда, лупень, «пятихатку» вернешь, котору у мово мужа брал вчерась утресь?

Она уже замахнулась ногой в третий раз, но, увидев в окне знакомое лицо, ярко, лучисто, с откинутой назад ногой улыбнулась и поздоровалась:

– Ой, привет, Вася, а я иду тут....

Джойстику хватило того, чтобы вскочить и снова броситься наутек. Некшина пнула ногой воздух, села с возмущенным восклицанием: «Ой, бя!» – пышным задом в сугроб, вскочила и, отряхиваясь на ходу, бросилась за жертвой вдогонку.

«Сегодня наблюдения смешнее, чем обычно», - подумал Василий. Он вдруг сообразил, что после увольнения из администрации района с должности бухгалтера ему теперь совсем не нужно спешить на нелюбимую работу. На нелюбимую не потому, что он не разбирался в бухгалтерии, а потому, что разбирался слишком хорошо и это мешало кое-кому заниматься махинациями и приписками.

За Скребышевым в районе закрепилась кличка Пономарь. В возрасте восемнадцати лет Вася прикрутил обменную на самогон у морячка рынду к старой колокольне, оставшейся от церкви и звонил до тех пор, пока вокруг не собралась приличная толпа. Спустившись вниз, парень выступил перед сельчанами с устным манифестом, предложив восстановить божий храм. Глава администрации хотел применить к возмутителю спокойствия статью о мелком хулиганстве, но местный парторг выступил с предложением отправить его в армию. Так и сделали, хотя Василий был единственным кормильцем в неполной семье у своего отца-инвалида. Мать он не помнил совсем, она померла при родах, а вот отца обожал. Васин отец не хотел обострять обстановку вокруг сына и посоветовал тому идти служить, а через год помер. В

армии молодому бойцу ничего не сообщили о случившемся, не хотели огорчать, «обрадовали» на дембеле.

По возвращении из армии Вася поступил в филиал финансово-экономического института на заочное отделение и устроился на работу – нужно было начинать жить в одиночку. На могиле отца он дал слово, что никогда не будет попадать ни в какие истории, но получилось по-другому.

Выйдя на улицу, Василий увидел на скамейке возле забора своего друга-одноклассника Петра Каменева. Поздоровавшись с ним, Василий сел рядом. Помолчали. Мимо проехал, виляя, колесный трактор с прицепом.

- Водила опять бухой.

- А че ему будет? Это же шурик нового главы администрации. – Вася с сочувствием посмотрел на огромную фигуру друга.

Двухметровый и широкий в плечах Петя вызывал очень сильное уважение в райцентре, особенно у мужской части населения. Каменев ненавидел алкашей. Три года назад его бабушку задавили в городе. Пьяный водитель отмазался, никакого дела не возбуждали.

- На! – Петя протянул Скребышеву трехлитровую банку с молоком. – Жена просила передать. Ты же теперь безработный.

- Спасибо. А чего это за книжка у тебя в руке?

- Это самоучитель по гипнозу.

- Чего? – Вася недоверчиво и с интересом смотрел на друга.

В этот момент мимо, что есть силы, бежал Джойстик. Каменев резко протянул к нему руку:

- Стоять!

Джойстик встал, как вкопанный, испуганно моргая глазами. Из переулка выскочила Некшина и бросилась к мужчинам:

- Ага, лупень недорезанный, думал, уйдешь... - Она подбежала вплотную и вдруг, будто наткнулась на стену, Зойка увидела напряженный взгляд Каменева и его руку, устремленную к Джойстику.

- Ой, а че это вы тут...

Петя махнул рукой:

- Беги!

Джойстик, стоявший, как истукан, враз бросился бежать.

Оторопевшая Зоя от возмущения чуть не задохнулась:

- Вы че эта?

- Гипноз! – назидательно сказал Петя, подняв указательный палец и глядя, как чешет за Джойстиком Некшина.

Скребышев согнулся на скамейке пополам, умирая со смеху. Отдышавшись, он сообщил другу, что уезжает в деревню – помочь поставить родной тетке Анфисе сруб для бани на готовый фундамент.

На том и разошлись по домам.

Василий закрыл железный гараж, сел в отцовскую «Ниву» и через полчаса уже въезжал в десятихатную деревню Дрешевку. Десять семей доживали свой век в когда-то большой деревне на сто дворов.

В деревеньке приезд любого человека – событие. К «Ниве» подбежало несколько детей, и бочком подошел дедушка Гундяй. Увидев вылезающего из машины племянника тетки Анфисы, он радостно приветствовал Василия:

– Привет Скурихинским засранцам!

Скребышев не остался в долгу:

- И вам не хворать, дристуны дрешевские.

Выскочившая из дому тетка Анфиса залилась смехом со всеми остальными. Она радостно обняла племянника и замахала руками на Гундяя:

- Иди, дед, потом языком почешешь, человека надо с дороги покормить и напоить.

Она потащила Васю в дом, дальновидно хлопнув перед носом болтливого деда калитку. Дед сердито сплюнул под ноги. Он то намеревался взять с Васи денег на чекушку.

Дети, стоявшие поодаль, начали хором приставать к старику:

- Гуня, дай пряник, Гуня, дай пряник!

Совершенно рассвирепевший дед взмахнул своей клюкой и погнал детей по единственной в Дрещевке улице.

Наливавший из самовара чаю Василий еще слышал уличный смех детей и дурашливые угрозы Гундяя, как подсевшая к столу тетя Анфиса начала рассказывать деревенские новости.

Звать кого-то складывать сруб было бессмысленно. В деревеньке работы нет, старая ферма разрушена, все мужики вкалывают либо в городе, либо на отхожих шашках. Кузнец Жора третий день в запое.

Пока Василий корячился в одиночку, выставляя первые венцы, из головы не выходили свежие новости. Собственно, все они сводились к одному – в Дрещевке объявился мелкий наглый пакостник. Кто-то третьего дня спер у соседской бабки Маруси двенадцать гусей, а у других соседей Сидоровых во вчерашнее утро увели теленка.

К вечеру, совершенно выбившись из сил, племянш поставил десятый венец. Тетка, охая и ахая, только успевала паклю подкладывать под бревна. Оставалось всего-ничего – водрузить в середине поперечную матку, на которую будут выстилаться потолочные доски. Слегка передохнув, Василий подхватил матку, прицелился одним ее концом в выдолбленный в стене паз, но тут оступился, бревно соскользнуло с рук и ощутимо шарахнуло его по голове.

В глазах потемнело, падая, Скребышев успел сказать себе:

– Все, кирдык.

Очнулся Василий через час. Открыл глаза и увидел над собой склоненные лица тетки Анфисы и деда Гундяя. В голове гудело. Ему помогли осторожно сесть на диване.

- Ну и шандарахнуло тебя – дед придерживал Скребышева за плечо. – Ты, Пономарь, всех нас напугал. Анфиска ко мне прибежала, воеет, я прямо ниче понять не могу. Еле разобрал.

Шумно отсмаркиваясь, тетка прошла в угол, бухнулась на колени и начала истово креститься перед иконой Николая Угодника:

- Свят, свят, свят. Спаси и сохрани раба божьего Василия.

Встав, она подошла к дивану, села рядом с племянником и стала гладить его по голове.

- Вот, что Васян. Первое дело, надо тебе вылечиться. А для этого требуется самая малость, – дед набрал воздух в легкие, чтобы сказать про эту самую малость.

- Знаю я эту малость, – тетка Анфиса замахала рукой, - ты, старый пень, совсем охренел, у парня голова болит...

- Пень, не пень, а ссать на меня не надо. Ежели у человека голова болит, имеет право полечиться, – дед Гундяй аж вскочил от возмущения.

Племянник прервал причитания тетки:

- Ладно, достань пузырек, может, мне действительно полегчает.

Тетка поставила на стол бутылку самогона, вытащила из печи разогретый борщ.

Видя, что мужчины веселят на глазах, она снова пошла молиться в угол.

Через полчаса голову у Васи и вправду отпустило. Он внимательно посмотрел на разомлевшего Гундяя:

- Сам-то как думаешь, кто у вас тут хулиганит и пакостит?

Гундяй выдержал паузу и начал отвечать.

По его выходило, что местным - деревенским заниматься воровством скота ни к чему. У всех своя скотина и ухаживать за ней трудов стоит. Надо совсем совесть потерять, чтобы у своих же красть.

Через минуту Вася задал второй вопрос:

- Ясен пень. Давай двигаться дальше. Акромя меня кто в последнее время посещал деревню? Врубаешься, старый? Я имею в виду, кто-либо навещался сюда три дня назад, либо живет здесь месяц или более. Усек?

- Как же не усечь, милый ты мой Васянюшка – глаза поддатого деда хитро сузились. – Кроме твоего величества никого в Дрещевке не было. А вот две недели назад братан младший Жоркин приехал в гости, ведет себя тихо.

- Rogozихиной дочки сын, что ли? – Василий встрепенулся, - хорек вонючий.

- Да, он самый, - отозвалась из угла тетка Анфиса, – месяц, как освободился.

- Нее, это не он. – завертел головой дед Гундяй, – человек только на волю вышел и опять в тюрьму? Нескладно как-то.

В голове у Скребышева промелькнуло:

- Да уж куда нескладней. Младший Rogozин в деревне не прижился, покатился по кривой дорожке, трудиться не обучен. Опять же откинулся с зоны, денежки-то нужны. А старший брат его Жора – бывший кузнец, в запое три дня. С чего это?

- Ладно, давай на посошок, – Василий начал прощаться с дедом. Хотелось спать, и в голове опять туман поплыл.

Утром появилось желание пройтись по деревне. Здороваясь со всеми, кто попадался по дороге, Василий двинулся на другой край Дрещевки повидать Жорика. Rogozихины жили в самой крайней избе, оставшейся от матери. Но сначала у Скребышева появилось необъяснимое желание спуститься в овраг, поросший тальником, где особняком стояла старая водяная мельница. Спустившись по тропке вниз, он внимательно осмотрел следы у входа. На двери висел огромный амбарный замок, покрытый ржавчиной. Однако отверстие в нем было тщательно смазано солидолом. Снег перед дверью был нарочито подметен и припорошен. Окна в мельнице не было, поэтому стоило, затаив дыхание, постоять и послушать. Вася удовлетворительно кивнул. За дверью отчетливо слышалось равномерное хрумканье. Теперь оставалось только напиться студеной ключевой воды. Так он и поступил – подошел к незамерзающему ручью, открыл крышку проточной колоды, зачерпнул насаженным на цепь ковшом прозрачной водицы и мелкими глотками, стараясь не застудить горло, начал пить. Послышались осторожные шаги.

Обернувшись, Василий увидел младшего Rogozина. Тот исподлобья внимательно изучал Скребышева - Пономарь, ты что ли? – голос у Rogozина был вкрадчивый и деланно-равнодушный.

- Я, как видишь. Rogozихин, ты что ли? Я тебя сто лет не видел. Знал бы, что ты здесь, позвал бы тебя баньку выложить.

Rogozин младший скривился в ухмылке, он не любил, когда его звали Rogozихиным.

- Выкладывают поросят, а на твоей баньке я ломаться не намерен. Отпуск у меня...

- Лишь бы не краткосрочный, – не преминул подколоть Скребышев. Затем, упреждая повисший на зубах Rogozина вопрос, добавил:

- Вот, родные места оглядываю, водички родниковой решил напиться. А Жорик-то дома?

- А че ему будет? – Rogozин посторонился, пропуская Василия, – третий день пьянку водствует.

Василий задержал свое лицо прямо перед мордой, как у хорька, Rogozина:

- Стало быть, аккурат день в день, как гуси пропали...

Глаза двух мужчин встретились: одни серые и спокойные, другие мутные, оловянные, бегающие.

- Ну, бывай, отпускник, – Василий, не оборачиваясь, пошел вверх по тропке, прямо к Рогозихинскому дому, – навещу твоего старшего, не чужой чать человек, вместе в детстве на рыбалку ходили.

Если бы Вася в этот момент обернулся, он увидел бы, каким осатаневшим взглядом провожает его младший Рогозин, как вздымается и опускается его грудь и как сжались пальцы в наколках.

Впустившая в дом Васю жена Жорика Настя хмуро поздоровалась и проводила гостя к хворающему за печкой на кровати мужу. Да, в рогозихинском доме пить умели. Бывший кузнец Жора с опухшей рожей лежал пластом. Однако увидев Василия, тут же протрезвел:

- О, Пономарь! Долго жить будешь, вспоминал тебя вчера. Он еще бормотал что-то про загубленную молодость, затем вдруг предложил сесть за стол, поспедать с ним.

- Эй, Настеха, мечи на стол, старый друган пришел, ща такого супца наваристого с потрошком навернем... С гусиным?

Василий пристально смотрел на хорошего парня Жорика.

- Ну да, ну это...- Жора заерзал на кровати задом.

- Нет у нас никакого супа, – из-за печки выкрикнула раздосадованная жена

Скребышеву пришлось обоим Рогозиным вслух огорчить до безобразия. Он объяснил им, что в их избе и без супа висит в воздухе ядреный запах наваристой гусятины, что приезжавший и не нашедший пропаж участковый из райцентра, по совместительству являющийся двоюродным братом Настюхи, может, как минимум, лишиться работы, а они, сами Рогозины, по вине младшего брата Жоры, пойдут исключительно по статье – соучастие в хищении в особо крупных размерах.

- И че же нам делать? – не выдержал Жора.

- А я тебе говорила, - встряла Настя, - что подведет тебя твой братец под монастырь.

Вдруг она глянула в окно и прижала ладонь ко рту:

- Ой, мельница дымит.

Стремглав все трое бросились через дорогу к оврагу.

Огонь только успел заняться, и пожар удалось быстро потушить. Младшего Рогозихина, конечно же, и след простыл. Ближе к обеду теленок Сидоровых мирно щипал душистое сено в собственном лабазе, одиннадцать гусей бабы Маруси благодарно погогатывали над наполненной до краев кормушкой в собственном сарае, а Василий Скребышев понял, что сегодня вечером он точно не попадет в райцентр. Все сельчане набились в избу тетки Анфисы.

За столом дедушка Гундяй провозгласил первый тост:

- Ну, Пономарь, за тебя и за твой, ети его в бок, дедуктивный метод!

В райцентре все текло по-старому. Утром Скребышев подошел к окну и увидел за забором на своей скамейке Джойстика. Мужик он был не плохой, только пил. «Просто так этот кадр на мою скамейку не садится, наверняка, есть причина», – подумал Василий. Одевшись, он вышел на улицу. Сел рядом с Джойстиком. Помолчали. Мимо проехал, виляя, трактор с прицепом.

- Опять набухался шурик блатной, - не выдержал Джойстик.

- Да ты сам не лучше, вечно поддатый ходишь, - Василий понимал, надо поддержать разговор, – как позавчера с Никерихой разбежались, догнала или краями?

- От нее убежишь, - сокрушенно потирая бок, вздохнул Джойстик.

Затем, обернувшись, посмотрел прямо на Василия:

- Пономарь, тебя заказали.

- Ты че, лишнего принял с утра!? – Скребышев недоверчиво осматривал односельчанина.

- Или Зойка тебя по башке хорошо приложила, когда догнала!?

- Нее, ты не понял, я трезвый, как стеклышко. Просто зашел в пивную на площади, ну, думал, кто угостит на халяву. Тут слышу разговор за спиной. Один другому говорит. Я, гово-

рит, вашего Пономаря, говорит, скоро отправлю в страну снов. А второй говорит, неет, говорит, с этим делом спешить не надо, давай, говорит, все обмозгуем.

- Ну!

- Ну дак че, ну! Я похолодел, кружку с пивом поставил на стол, мужикам говорю, ша вернусь, только в туалет схожу. И сам бочком медленно сквозь толпу пробираюсь...

- И что! – от нетерпения Скребышев аж губы облизал.

- А их нету, ушли уже. Одного я в спину разглядел. Среднего роста, как ты, куртка коричневая меховая, на башке шапка вязаная. Все.

Выдохнув воздух, Джойстик начал быстро моргать.

- А... – Поняв намек, Василий достал из кармана полтинник и сунул в щуплую мужицкую ладонь, – исчезни и никому ни слова. Понял?

Два раза Джойстику говорить никогда не приходилось. Скребышев глядел вслед удаляющемуся человечку и думал.

В коричневой куртке был, похоже, Рогозихин, а вот кто был такой умный второй, хотевший все обмозговать, это надо хорошо подумать.

Телефонный звонок на мобильник оборвал размышления. Звонил друг Петя.

Каменев не отличался большим интеллектом, но в его преданности и порядочности сомневаться не приходилось. Раз у Скребышева возникли проблемы с работой, а в деревне у тетки ему упало на голову бревно, необходимо срочно создать частное детективное агентство.

Доводы друга позабавили Василия. Петю нисколько не удивило, что Василий так быстро нашел пропавшую скотину, его сразило упавшее на Пономаря бревно.

Кстати, Василий нахмурился, ему и в голову не приходило, что после удара бревном в его голове наступило какое-то просветление и все стало так ясно и просто. Раньше он не отличался умением логически выстраивать мысли. А тут...

В течении десяти дней Василий зарегистрировал частное детективное агентство «Пономарь и К». В городишке на пятьдесят тысяч жителей, коим являлся их райцентр, водились даже пятиэтажные дома и три автобусных маршрута. Арендовать однокомнатную квартиру на первом этаже под офис труда не составило. Деньги за месяц вперед друзья внесли поровну. Детективную часть работы на себя взвалил Скребышев, а соблюдением юридических формальностей озаботился Каменев. Петя некоторое время проработал в милиции, пока не уволился по собственному за то, что во время вводной на плацу при раздаче ориентировок врезал по морде своему непосредственному командиру.

Если бы милицее начальство знало, что их подчиненный Каменев не любит не только алкашей, но и зlostных матершинников, возможно, судьба двухметрового парня сложилась бы иначе.

В тихом переулке под названием «Пионерский» на входе в подъезд, прямо над дверью, появилась вывеска с колоритным названием «Пономарь и К».

Первый клиент не заставил себя ждать. В офис приперлась восьмидесятилетняя старушка с обиженно поджатой нижней губой.

Разговаривал с клиенткой Петр.

- Что случилось, мать?

- Я Вам не мать, а гражданка. – Старушка еще сильнее поджала губы.

Петя, обернувшись на Василия, выпучил глаза. Затем, вновь обратив свой взор на старую кошелку, еще раз задал вопрос:

- Гражданка, твою мать, в чем причина Вашего появления в нашем детективном агентстве?

Скребышев сидел на диване и, чтобы не заржать в голос, закрыл лицо читаемой газетой.

- У меня с бельевого площадки рейтузы украли седни, апосля обеда, кажись.

- Что-о?! – Петр Каменев аж привстал из-за стола, угрожающе нависнув над старушенцией.

- Стиранные, - добавила старушка, вся съезжившись и выложив на стол мятые пятьдесят рублей.

Через секунду она уже пятилась к двери, защищаясь зажатой в вытянутой руке полтинником от орущего ей в лицо Петрухи:

- Воон, воон отсюда!

Уже в двери она успела выкрикнуть:

- Я милиции пожалуюсь!

Василий, задыхаясь, сползал с дивана и, уже не скрываясь, ржал во всю глотку.

Больше клиентов в этот день не появлялось. Вечером дома у Каменевых Петина жена Ольга от души посмеялась над их начинанием и пообещала дать в районной газете рекламное объявление о детективном агентстве.

Поблагодарив друзей за сытный ужин, Василий быстро пришел к себе домой и, включив в избе свет, подошел к телевизору. Хотел посмотреть хоккей. Программа выпала из рук, чертыхнувшись, Скребышев резко нагнулся за ней и услышал сначала уличный выстрел, затем звон разбитого стекла.

Ночью в избе Скребышева было не протолкнуться. Криминалисты истоптали весь пол – меряли расстояние от дырки в оконном стекле до гильзы, оставшейся на обочине улицы. В противоположной от окон стене старший опер насчитал семь отверстий от картечи.

- Семь - число счастливое, - радостно сообщил старший опер.

- Спасибо, это несказанно радует, - заметил Скребышев. На правах хозяина он сидел за круглым столом напротив миловидной стажерки. Девушка аккуратно заносила слова потерпевшего в протокол.

- Вам очень идет форма, девушка. - Василию уже порядком надоела вся эта канитель. Хотелось поскорее отвязаться от казенных посетителей. Кроме того, он очень хорошо знал уровень работы районной полиции.

Девушка пунцово зарделась, затем неожиданно сказала:

- Меня зовут Матрена.

- Как?! – От неожиданности Вася обронил на пол ручку. Он как раз подписывал протокол. Старший опер, внимательно наблюдавший за ними, крикнул и изрек еще одну мысль:

- Картечь кучно пошла. Ты, Пономарь, в рубашке родился. Если бы не промах, то все.

- Еще раз спасибо. – Василий нашарил на полу ручку и быстро поставил на документе последнюю подпись.

- Просто удивительно, что ты смог увернуться. – Опер со стороны разглядывал Скребышева, будто впервые увидел этого человека.

- Помехи помешали – отреагировал Василий.

- Это какие же?

- Видать, подельники рядом стояли и тянули руки к помпашу. Все хором просили: «Дай мне, дай мне».

Все присутствующие в комнате, уже собиравшиеся уходить, по достоинству оценили шутку. Не смеялась только стажерка.

Она чуть задержалась, явно перебарывала себя и свою робость:

- У Вас был трудный день, хотите, я Вам успокоительные таблетки принесу?

- Вы знаете, Матрена, таблетки здесь не помогут, в случае стресса, шока или депрессии мой личный врач-терапевт рекомендует мне интенсивный секс в течение сорока минут.

- Дурак! – Девушка вскочила из-за стола, опрокинула стул и бросилась на выход.

- Папку с документами забыли! – Крикнул ей вслед Василий.

Она, задыхаясь, забежала обратно, схватила папку, затем резко села на диван и выдохнула:

- Хорошо.

- Че хорошо? А, Вы насчет сорока минут? Знаете, время можно варьировать...

Девушка совершенно задохнулась от возмущения:

- Вы, Вы... идиот! – Она пулей вылетела на улицу. Из «уазика» уже второй раз требовательно сигналили коллеги.

Стажерка молча запрыгнула на заднее сиденье. Сидевший впереди старший опер обернулся, оценивающе осмотрел девушку и изрек:

- Да, Пономарь умеет звонить в колокола.

Шофер добавил:

- И как это они в него не попали, с десяти-то метров.

Сидевшая рядом с Матреной пожилая женщина-криминалист участливо погладила девушку по руке.

Скребышев в это время звонил по знакомому номеру, по которому ему никогда не отказывали без уважительной причины. Впрочем, у Василия было еще несколько таких номеров. Вслед длинным гудкам ответил приятный женский голос:

- Алле.

- Добрый вечер. Вы сможете скрасить одиночество одного хорошего человека?

- Разумеется, я буду лететь пулей.

- Вот этого как раз и не надо, мне сегодня уже картечи хватило.

- Какой картечи? К тебе Людка, что ли, приходила? Да я ей...

- Да нет, тут другое. Придешь, объясню. И не торопись, Маша, на улице скользко.

Когда Василий говорил стажерке про сорок минут, он был не далек от истины. В райцентре не все холостяки пользовались такой популярностью, как Пономарь.

Утром Скребышев проспал на работу. Остаток ночи не ограничился сорока минутами. Плотная занавеска, скрывавшая у стены кровать, колыхалась долго и упорно.

Маша в конце спросила:

- Ты че это сегодня такой особенный?

На что Вася резонно ответил:

- Понимаешь, Мария, не каждый день в человека стреляют картечью.

- Я не против, чтобы это повторилось, - сладко потягиваясь, промурлыкала женщина.

- Хорошо, я сообщу твои пожелания стрелку, когда его найду.

Только в полдень, когда Маша ушла огородами сквозь соседний переулок, Василий вышел из избы на улицу. Сел на скамейку и начал думать. Через минуту он понял, что думать не получается и решил просто посидеть и понаблюдать, вдруг еще кто-нибудь выстрелит.

Прямо перед ним на середину улицы вышел участковый Степанов и резко затормозил старую, выдавшую виды «четверку». В легковушке сидели Джумар и Лейла Джабраиловы. Они по всему райцентру торговали с колес нательным бельем, полотенцами и постельными принадлежностями по очень, надо сказать, умеренным ценам. Пока участковый припирался с вышедшим из машины Джумаром, Скребышев подошел поближе и поздоровался с Лейлой. Женщина приветливо ответила и тоже вышла из машины.

- Че, Лейла, опять вас на бабосы ставят? – Василий говорил нарочно громко, чтобы участковый слышал.

- Ты знаешь, нас этим не проймешь, мы ничего не нарушали, лицензия на руках, торгуем честно, налоги платим вовремя. – Лейла одновременно разговаривала со Скребышевым и смотрела, как ее муж спорит с ментом.

Участковый Степанов обратился к Скребышеву:

- Я хочу, чтобы Вы засвидетельствовали, что эта машина ехала по населенному пункту с превышением скорости.

- Какая, слушай превышения-мревышения, начальник, эта тачка пятьдесят на трассе с трудом выжимает... - возмутился Джумар.

- А ты разве гаишник? – искренне удивился Василий. – Прибора у тебя нет, ты, что, на глазок скорость определяешь? И вообще, слышь ты, Степанов, занимался бы ты своим непосредственным делом, например, получше бы ловил тех, кто гусей и телят с крестьянских дворов уводит.

Онемевший участковый набрал воздуха в рот, чтобы ответить, но передумав, резко развернулся и зашагал прочь, придерживая рукой висящий сбоку из-под куртки планшет.

- Передай своему дальнему родственнику, Степанов, больше я ему не дам стрелять в райцентре.

Вжавший голову участковый прибавил шаг.

Удивленный Джумар подошел к Скребышеву:

- Слушай, дорогой, как ты вовремя подошел. Если бы не ты, он бы с нас «пятихатку» точно слупил. Ай, маладец! Слушай, хочешь теплые зимние носки или красивые трусы с шириной?

- Нет. Лучше покажи-ка мне женские рейтузы с начесом, Джумар.

Василий шел с завернутыми в мешок рейтузами и улыбался, а вслед ему с недоумением смотрели две пары чеченских глаз.

В офисе, весь изъерзавшись, ждал Каменев.

- Ты где был? Телефон не отвечает, время к обеду. На бабе валялся, что ли?

- Не исключено, Петр, не исключено. В меня ночью стреляли, с улицы, через окно. Покаменты приехали, то, се, дознание, полночи прошло. Ну, и потом, Маша приходила...

Петя обиженно засопел:

- Мог бы мне позвонить, напарник называется... Тут еще эта старуха заколебала, опять приходила, я ее вытурил, снова грозила милицией.

- Ладно, Петь, прости, не хотел тебя тревожить, а что касается назойливой кошелки, то вот, посмотри, – Василий достал из мешочка и разложил на столе новые, ярко-зеленые рейтузы, - будем налаживать контакт с населением.

Петр оторопело посмотрел на Василия, на стол, подойдя ближе, пощупал женское белье:

- Ух ты, с начесом, – и расхохотался.

Пообедать решили в офисе, в кафе слишком дорого. Вблизи находился очень приличный гастрономчик. По дороге к нему Скребышев решил навестить надоедливую старушечку. Каменев шел рядом и только от удивления вертел головой.

- И как же ты ей вручишь свой презент?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.